

PIOTR BALEJA

 <https://orcid.org/0000-0002-5329-1652>

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
piotr.baleja@yandex.ru

АТТРИБУТЫ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ *АВИАТОР* ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

DETERMINANTS OF TIME IN YEVGENY VODOLAZKIN'S NOVEL *THE AVIATOR*

The paper is devoted to the category of time in the novel *The Aviator* (2016) by Yevgeny Vodolazkin, the category being the key to comprehending the conceptual universe of this text. The main aim of the study is to identify the temporal layers in the novel and to indicate the dominant attributes that define each of the described periods. In the paper time is considered as a phenomenon, and attribute (determinant) as its distinctive feature. Such an approach allows the author to identify not two, as in previous scholarly literature, but three layers of time: the period of pre-revolutionary Russia, the period of the “Bolshevik hell”, and the period of Russia at the end of the second millennium. The interpretation of the nature of time in the novel has also been facilitated by a general consideration of the work's genre affiliation. Basing on the conviction that the elements imperceptible in the historical process create a real picture of a certain period, thus encouraging the study of the minutiae of life in different times, the author describes various details, as well as classifies them. The representative groups of indicators are distinguished as follows: smells inherent to certain attributes, sounds emitted by attributes, elements of the characters' everyday life as well as festive time, means of transport, and the arrangement of space. The concept of chronotope, developed by Mikhail Bakhtin, has also been important for the study. The author notices that the change of a historical reference point is accompanied by a new characterisation of the indicators. In the discussed novel it is precisely the attributes that make it possible to separate the temporal layers, and this, indeed, is their main function.

Keywords: contemporary Russian literature, prose, diary, determinants of time, Yevgeny Vodolazkin, *The Aviator*.

Статья посвящена категории времени в романе Евгения Германовича Водолазкина *Авиатор* (2016), которая, на наш взгляд, является ключевой для осмысления идейного мира произведения. Основная задача – выделить временные пласты в романе и выявить доминирующие атрибуты, определяющие каждый из описываемых периодов. В статье время рассматривается как явление, а атрибут – как его характерная черта. Благодаря такому

подходу автору удастся вычленив в произведении не два, как ранее утверждалось в научной литературе, а три временных пласта: период дореволюционной России, период «большевистского ада», период России конца второго тысячелетия. Осмыслению природы времени в романе способствовало также общее рассмотрение жанровой принадлежности произведения. Исходя из убеждения, что незаметные в историческом процессе элементы создают реальную картину определенного периода, способствуя изучению подробностей жизни в разные времена, автор описывает различные детали, а также проводит их классификацию. Выделяются следующие репрезентативные группы показателей: запахи, присущие определенным атрибутам; звуки, издаваемые атрибутами; элементы повседневной и светской праздничной жизни героев; транспортные средства и организация пространства. Немаловажной для проведенного исследования является также концепция хронотопа, разработанная Михаилом Бахтиным. Автор отмечает, что со сменой исторического ориентира приходит новая характеристика показателей. В романе Водолазкина именно атрибуты позволяют выделить временные пласты. В этом заключается их основная функция.

Ключевые слова: современная русская литература, проза, дневник, атрибуты времени, Евгений Водолазкин, *Авиатор*.

Время – объект познания разных наук, который исследуется определенными методами исходя из задач, решаемых той или иной областью знаний. Екатерина Антошкина утверждает, что фактором, влияющим на большой интерес к проблеме времени, является свойство его бесконечности¹. Отсутствие четких границ занимает представителей разных научных направлений. Исследователи пытаются обозначить эти границы и описать временные отношения, используя метод, характерный для данной дисциплины.

Основная задача статьи – выделить временные пласты в романе Евгения Водолазкина *Авиатор* (2016) и выявить доминирующие атрибуты, определяющие каждый из описываемых периодов. Время мы будем рассматривать как явление, а атрибут как его характерную черту. Данный подход объясняется спецификой литературного произведения, особенно сложной и неоднородной структурой его временных координат.

Литературоведческий подход к освоению времени достаточно своеобразен и специфичен. По мнению Алексея Николаева, «существуют устойчивые, принятые в культуре пространственно-временные модели»². Михаил Бахтин называл эти модели хронотопами (времяпространство³), задавая

¹ Е. А. Антошкина, *Время как объект познания философии и других наук*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» 2007, т. 22, № 53, с. 14.

² А. И. Николаев, *Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей*, Иваново: ЛИСТОС 2011, [электронный ресурс] <https://ru.b-ok.cc/book/3239082/275b74> [27.04.2020].

³ М. М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике*, [в:] он же, *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*, Москва: Художественная литература 1975, с. 234.

новый подход в литературоведении. Хронотоп со всеми его атрибутивными составляющими, благодаря своим онтологическим, антропоцентрическим, прагматическим и символическим функциям⁴, позволяет увидеть многие смыслы произведения, воссоздав целостную картину описываемого.

Арон Гуревич, в свою очередь, подчеркивает связь времени и пространства как важных составляющих, формирующих картину мира. Ученый утверждает также, что эти категории по-разному сосуществуют в конкретном культурно-историческом кругу⁵. Мнение Гуревича находит свое подтверждение в трудах Юрия Лотмана, который по этому поводу писал следующее:

Исторические и национально-языковые модели пространства становятся организующей основой для построения «картины мира» – целостной идеологической модели, присущей данному типу культуры. На фоне этих построений становятся значимыми и частные, создаваемые тем или иным текстом или группой текстов пространственные модели⁶.

Хронотоп, как мы упомянули ранее, состоит из двух компонентов: времени и пространства. На наш взгляд, сложно определить, какая составляющая является доминирующей. Вопрос методологии и выбора доминанты в существенной степени определил результаты литературоведческих изысканий Бахтина и Лотмана. Бахтин делает акцент на времени, а Лотман – на пространстве⁷.

В романе Евгения Водолазкина *Авиатор* ключевыми категориями являются время и история: их взаимосвязь и разнообразие. Кирилл Филатов подчеркивает, что история «разрешается (ставится?) в двух плоскостях – личной и общественной»⁸. Замечание исследователя стоит дополнить тем, что и время в романе рассматривается в двух взаимодействующих сферах – как личное и как общественное.

⁴ П. Ю. Повалко, *Пространство и время как категории художественного текста*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» 2016, № 3, с. 108–110.

⁵ А. Я. Гуревич, *Категории средневековой культуры*, Москва: Искусство 1984, с. 43–44.

⁶ Ю. М. Лотман, *Структура художественного текста*, Москва: Искусство 1970, [электронный ресурс] https://bookscafe.net/read/lotman_yuriy-struktura_hudozhestvennogo_teksta-43995.html#p102 [25.03.2021].

⁷ Е. С. Веденкова, *Исследование художественного пространства-времени: Вопросы методологии*, «Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки» 2011, № 12(104), с. 280.

⁸ К. С. Филатов, *Хвалить нельзя ругать. Евгений Водолазкин. «Авиатор»* (рецензия), «Звезда» 2016, № 6, [электронный ресурс] <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/6/evgenij-vodolazkin-aviator.html> [27.05.2020].

Сюжет произведения кратко можно изложить следующим образом: в 1999 г. в Санкт-Петербурге врач Гейгер размораживает Иннокентия Петровича Платонова, рожденного в 1900 г. Заморозка – результат эксперимента, проведенного в Соловецком концентрационном лагере, в который был заключен Иннокентий. Выживший герой, пытаясь восстановить память, описывает различные события, случившиеся до заморозки, а также свою дальнейшую жизнь.

Как следует из сказанного, время в романе можно разделить на две части: прошедшее и настоящее. Татьяна Чернышова выделяет в *Авиаторе* два временных пласта – период начала XX в. и 1999 г.⁹ Такого же мнения придерживается Карина Жулькова. Исследовательница более точно определяет рамки двух главных временных осей: 1900–1920-е гг. и современность¹⁰. Однако Жулькова несколько сужает временные границы, поскольку первый период может охватывать и 1930-е гг.: «Идя по Кремлю, думал [Иннокентий]: вот попади я сюда в двадцатые и тридцатые, мог бы встретить одного из тех, которые...»¹¹. К данной гипотезе склоняется Янина Солдаткина, заметив: «[Платонов] в конце 1930-х годов на Соловках становится участником эксперимента по крионике»¹². Мнение исследовательницы также не вполне справедливо: в романе нет ни прямых, ни косвенных указаний на конец именно 1930-х гг. Главный герой предполагает, что период его нахождения в лагере пришелся на рубеж 1920-х и 1930-х гг.: «Был сегодня в архиве. [...] Поинтересовались, какой исторический период меня интересует [...] Уточнили годы. Ну, говорю, примерно с 1905-го по 1923-й. Это если в Питере. А с 1923-го по 1932-й – на Соловках» (с. 306–307).

Предлагаемое тремя исследовательницами деление следует переосмыслить. Причина – слишком узкий взгляд на тему. Представленное разграничение времени является простым и естественным: оно сводится к распределению жизни героя на **до** и **после** заморозки. Существование Иннокентия Петровича **до** заморозки, однако, не было «однородным» – и этот период нуждается в разделении на два временных отрезка. Революция 1917 г. и ее последствия кардинально изменили судьбу героя, что сказывается на описании временных и пространственных компонентов прошлого. Так, Дарья Кротова

⁹ Т. Л. Чернышова, *Организация художественного времени в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор»*, «Поволжский педагогический вестник» 2017, № 4(17), т. 5, с. 164.

¹⁰ К. А. Жулькова, *Категория времени в романах Е. Г. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор»*. (Обзор), «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: реферативный журнал» 2018, № 3, с. 197.

¹¹ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор*, Москва: АСТ 2019, с. 274. В дальнейшем все цитаты из романа приводятся в тексте по этому изданию с указанием страницы в скобках.

¹² Я. В. Солдаткина, *Мотивы прозы А. П. Платонова в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор»*, «Rhema. Рема» 2016, № 3, с. 20.

отмечает: «В *Авиаторе* проблема осмысления революции хотя и не является центральной, но играет существенную роль»¹³, и далее выделяет «предреволюционные»¹⁴ и «революционные»¹⁵ годы. На наш взгляд, периоды с 1900-х по 1917-й и с 1917-го по 1930-е гг. должны рассматриваться самостоятельно, так как они составляют два разных пласта. Жизнь героя радикально меняется вместе с изменением политического и социального строя государства. Исходя из этого, мы предлагаем следующее деление:

1. Период дореволюционной России;
2. Период «большевистского ада» (с. 244) (примерно с 1917 г. до середины 1930-х гг.);
3. Период конца второго тысячелетия.

Представленная выше периодизация, в отличие от предыдущих хронологических разделений, позволяет подробно рассмотреть особенности художественного времени романа, а также выделить ранее не замеченные свойства определенных временных отрезков.

В произведении данные временные отрезки не располагаются в хронологическом порядке. Это объясняется, прежде всего, процессом восстановления памяти главного героя. Настоящее и прошедшее узнаются по дневниковым запискам. Выбор жанра дневника неслучаен¹⁶. Такой способ повествования помогает раскрытию образа Платонова, дает возможность углубиться в детали описываемого периода. В сюжетном отношении дневниковые записки служат медицинским целям. Успешно завершив разморозку, врач Гейгер просит Иннокентия письменно фиксировать текущие наблюдения и воспоминания: «Все, что произошло за день, записывайте. И всё, что из прошлого вспомните, тоже записывайте. Этот ежедневник – для меня. Я буду видеть, как быстро мы в нашем деле продвигаемся» (с. 14).

В первой части романа записи ведутся от имени Иннокентия и обозначаются днями недели. По мнению Магдалены Войцеховской,

¹³ Д. В. Кротова, *Размышления о революции в творчестве А. Варламова и Е. Водолазкина* («Мысленный волк» и «Авиатор»), «Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Литературоведение, журналистика» 2018, т. 23, № 4, с. 394.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Роман *Авиатор* как пример жанра дневника рассматривался несколькими исследователями, в том числе: Марией Бочкиной, Магдаленой Войцеховской и Ольгой Гримовой: М. В. Бочкина, *Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор»*, «Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Литературоведение, журналистика» 2017, т. 22, № 3, с. 475–483; М. Wojciechowska, «Авиатор» Евгения Водолазкина как жанр дневника, «Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica» 2019, № 12, с. 199–211; О. А. Гримова, *Особенности функционирования нарративных интриг в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор»*, «Новый филологический вестник» 2017, № 4 (43), с. 48–58.

данный способ записей в романе Водолазкина можно рассматривать как новаторский прием жанра дневника и иллюстрацию состояния самого пишущего, который восстанавливает свою память фрагментарно, постепенно, маленькими шагами и притом хаотическим путем¹⁷.

Мы находим дополнительное объяснение уместности такого приема. Отсутствие привычных для дневников обозначений последовательности – конкретных дней, месяцев, годов, подчеркивает способ ощущения времени Иннокентием. Герой пребывает в циклическом (круговом) времени, так как находится в линейном (историческом) времени он не в состоянии.

В более глобальном плане сопоставление линейности и цикличности в *Авиаторе* рассматривает Мария Бочкина. Она отмечает, что «линейность жизни Иннокентия была прервана»¹⁸, а «естественный (линейный) ход событий условен и может быть изменен волей Бога»¹⁹.

Во второй части произведения дневниковые записи ведут, по просьбе Иннокентия, его жена Настя и личный врач Гейгер, который провел разморозку. Эти двое самых близких для героя людей описывают события, участниками которых являлись и те, о ком они не могут иметь представления. Изначально текст подписывается именем автора, но потом сложно определить, чья именно это запись. Формируется некое общее сознание, совместное ощущение происходящего. Время людей трех эпох сливается в одно.

Повествование от первого лица выдвигает на первый план личное время героя. Благодаря такому приему реципиент узнает подробности данного периода, эмоции участников ключевых событий, детали быта. Историческое время взаимодействует с личным, составляя его фон: «Интересует меня самая мелкая повседневность, то, что современникам кажется само собой разумеющимся и не достойным внимания. Это сопровождает все события, а потом исчезает, никем не описанное – как будто всё происходило в вакууме» (с. 196).

Иннокентий, принимая определение Гейгера, считает себя «жизнеописателем» (с. 29). Это слово точно передает суть задачи Платонова – описывать то, что было и то, что происходит сейчас. Герой восстанавливает картину дореволюционной России и «большевистского ада», а также постепенно осваивает новую реальность конца века. Ведение дневника, кроме терапевтической функции, направлено на сохранение

¹⁷ М. Wojciechowska, «Авиатор» Евгения Водолазкина..., с. 204.

¹⁸ М. В. Бочкина, *Отражение средневековой концепции...*, с. 477.

¹⁹ Там же.

исторического багажа конкретных людей: «Описываю [речь Иннокентия – П. Б.] предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения» (с. 409).

В дневниковых записках Иннокентия содержится множество мельчайших подробностей: «[Гейгер] сказал, что моей рукой водит всесильный бог деталей» (с. 28). Именно через эти детали читатель узнает обо всех вышеупомянутых периодах жизни Платонова и получает сведения о мировой истории.

Каждый из этапов обладает постоянными признаками, в существенной степени определяющими характер данного отрезка времени. Для их обозначения мы используем термин «атрибут»²⁰, но уходим от философской трактовки термина²¹, сужая его до вещественных показателей определенного явления. Мы считаем также необходимым обозначить окружение выбранных нами групп атрибутов, поскольку они находятся не в вакууме, а в определенной среде. Окружение предмета влияет на его восприятие.

Один из ведущих атрибутов – запах. Детство и юность героя ассоциируются с приятными ароматами праздников, дачи, моря. Мир запахов дореволюционной России создает атмосферу уюта и безопасности. К этим ароматам можно отнести: «аромат типографической краски, исходящий от глянцевых листов [...] книги» (с. 34), которую многократно читала герою бабушка; запах рождественской елки (с. 95); «запах вскипявшего самовара» (с. 237); запах нафталина от костюмов из школьного реквизита (с. 372). Данные ароматы органично соединяются с окружающей средой (дачные цветы и их запах; аромат речной воды и лесных сосен); временами года (запах весны и тающего снега), что подчеркивает роль природы в жизни человека, а также его зависимость от нее.

Некоторые ароматы этого периода связаны с созреванием героя, в том числе физиологическим. Вспоминая неудачный поход с другом в публичный дом, Иннокентий обращает внимание на запах пота, спермы и «запахи разогретого дерева и лошадиного навоза, то тут, то там лежавшего на бульжной мостовой» (с. 120) рядом с местом разврата. Это описание позволяет понять,

²⁰ М. М. Новоселов, Д. В. Пивоваров, В. С. Бернштейн, *Атрибут*, [в:] *Гуманитарный портал*, Москва: Центр гуманитарных технологий 2020, [электронный ресурс] <https://gtmarket.ru/concepts/7015> [16.06.2020]. В статье рассмотрены различные подходы к изучению понятия «атрибут». Особое внимание уделяется древним и современным философским концепциям, которые определяют данное понятие. Авторы ссылаются на разработки философов разных периодов, в том числе: Рене Декарта, Готфрида Вильгельма Лейбница и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

²¹ *Словарь русского языка*: в 4 т., т. 1: А–Я, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва: Русский язык 1999, с. 51.

что система духовно-нравственных координат эпохи вынуждала организовывать такие заведения в скрытых для посетителей местах.

Со сменой политического строя, вызванной Октябрьским переворотом, приходит и смена доминирующих ароматов. Революционная и постреволюционная Россия перестает благоухать, а подавляющее большинство запахов вызывает отвращение и страх. Картину этого периода составляют: запах самогона и тяжелой работы (с. 158–159), запах лекарств в лаборатории по заморозке (с. 206), запах сожженных храмов и книг (с. 62), а также противный запах хлорной извести («хлорки»), предназначенной для мытья полов (с. 206). Важными ольфакторными атрибутами данного периода являются запахи, указывающие на окружение, в котором находился герой: вонь раздавленных клопов (с. 187), смрад от невымытых тел заключенных на Соловках (с. 187–189), запах сосновой смолы и таежных ягод в лагере (с. 135).

К запахам того времени относятся также ароматы природы, напоминающие об утерянном свободном мире. Таков запах моря (с. 135), чью функцию характеризуют следующие слова Платонова: «Чтобы не заснуть, я глубоко вдыхал морской воздух, который был частью прежнего вольного мира. Значит, думал я, часть этого мира в нашей жизни всё же остается» (с. 134).

В конце 1990-х гг. доминируют запахи, свидетельствующие о поражении первого свободного десятилетия России. Ведущим из них является запах урины. Иннокентий ощущает «острый запах мочи» (с. 142) в парадных Санкт-Петербурга, «резким запахом мочи» (с. 171) сопровождается состояние умирающей Анастасии. Этот запах – знак того, что новой российской власти не удалось устранить даже бытовые проблемы граждан. Водолазкин усиливает одоранты за счет повышения их интенсивности.

Еще один специфический ольфакторный атрибут, присущий концу тысячелетия, – запах средств для мытья полов. Он сильно отличается от запаха хлорки в лагерях или больницах, и рассматривается как ощущение наступивших перемен:

Запах после мытья полов – лимонный, иногда – клубничный. Если не приторный – повышает настроение. Это был запах перемен. Только ощутив его, я понял, как радикально поменялась жизнь. А раньше пахло хлоркой, я еще застал это время. Во время ординатуры подрабатывал санитаром, хлорированной водой полы мыл. Отвратительный вроде бы запах, а вот ведь – связывает меня с юностью. Когда слышу его, сердце стучит быстрее (с. 296).

Описание системы запахов Петербурга, на наш взгляд, является своего рода продолжением литературной традиции. Стоит отметить, что схожие одорические мотивы встречаются, например, в романе *Преступление*

и наказание Федора Достоевского²². Изучение данной проблемы заслуживает, однако, самостоятельного исследования.

Далее обратимся к сонофере романа. Акустический портрет России 1900–1917 г. связан с атмосферой детской беззаботности, радостями повседневной жизни и дачной природой. Звуковой фон дореволюционной России – это, прежде всего, отголоски, которые герой слышит преимущественно в дачном пространстве: шум водопада и смех дачных мастеров (с. 44), крик чаек и гул леса (с. 25), голоса играющих детей (с. 58), звуки полоскания горла, издаваемые отцом (с. 148). На этом фоне выделяются звуки, издаваемые атрибутами, которые связаны со средствами перемещения: клокотание парового котла паровоза (с. 43), жужжание динамо-машины велосипеда (с. 371).

Звуки «большевистского ада» иллюстрируют всю жестокость данного периода. Постреволюционная звуковая картина состоит из громких, пугающих образов: густого звука дворницкого молотка (с. 60), приглушенных выстрелов пружин кровати (с. 72), жестяного звука чоканья кружек с самогоном (с. 158). Неотъемлемые элементы действительности этого периода – тюрьмы и лагеря, звуки которых получают ярко выраженный негативный оттенок. К данной подгруппе можно отнести, например, хлопанье дверей «черных воронок» (с. 123), крики допрашиваемых (с. 127) и избиваемых заключенных (с. 126).

Сонофера России 1999 г. непривычна для Платонова: «понимаете, тогда даже звуки были другие» (с. 161). Новая реальность оказывается весьма шумной. Звуки телевизора, состоящие из слов, музыки, воя сирены (с. 76), и постоянные телефонные звонки (с. 308) заставляют Иннокентия Петровича чувствовать себя чужим в новом времени. Один из самых важных звуков платоновской России конца второго тысячелетия – звук памперса, отлипающего от тела Анастасии (с. 173). Этот грустный звук материализует разрыв последнего звена, связывающего героя с прошлым – умирающей Анастасией.

Одним из ведущих атрибутов современности становится реклама. Этот социокультурный продукт, свидетельствующий о возрастающих потребностях общества, совмещает звуковые и зрительные составляющие. Человек конца века готов торговать всем и везде. Сверхзадача новой эпохи – продать как можно больше любым способом. Иннокентий и Настя получают огромное количество приглашений для участия в рекламных кампаниях. Среди них встречаются весьма неуместные, например, предложения рекламировать замороженные продукты.

²² Данная проблема рассматривается в работе: Е. М. Понкратова, Л. Н. Коберник, *Ольфакторные явления в произведениях Ф. М. Достоевского*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2017, № 74, с. 32–34.

Важными элементами прошлого и настоящего являются атрибуты, связанные с праздниками. Детство героя наполнено ярким воспоминанием о Рождестве (с. 27–28). Этот радостный день отмечался в кругу семьи и близких друзей. Обязательными атрибутами торжества были елка, хоровод, чучело медведя, поднос для визитных карточек, меха, чтение стихов. Дореволюционные праздники отличались атмосферой душевности и уюта.

В романе *Авиатор* мы находим два описания Пасхи – в Соловецком лагере 1930-х гг. и в Санкт-Петербурге конца 1990-х гг. Заключенные участвуют в богослужении под открытым небом без свечей и икон. Кладбищенскую церковь заполняют епископы, а посреди могил стоят миряне и священники (с. 128–129). Празднование Пасхи свидетельствует о желании заключенных создать иллюзию «нормальности» жизни в лагере. В свою очередь, Пасха конца тысячелетия – торжественный праздник для многих петербуржцев, которые толпятся в храме, покупают свечи и стараются подойти ближе к иконам, чтобы поклониться им (с. 128–129). Иннокентий отмечает «нищету» этого праздника, на которую указывают потемневшие иконы и парафиновые свечи (вместо восковых). Описание лагерной Пасхи построено на контрасте с праздником 1999 г.

Знаками минувшего и современного оказываются предметы быта, характерные спиртные напитки и части гардероба, т. е. элементы повседневной жизни героев. Дореволюционная Россия связана с красивыми и изысканными вещами: шнурованными платьями (с. 90), легкими блузками и юбками с воланами (с. 90), панталонами (с. 90), сорочками (с. 90). Этот период характеризуют также стеклянные гирлянды (с. 95), ярмарочные игрушки. Признаком возмужания героя становится первый алкоголь – водка, выпитая с другом в День ангела Елизаветы (с. 45–47).

Россия «большевистского ада» принесла другие атрибуты: продуктовые карточки (с. 37), некачественные ночные рубахи (с. 73), бревна (с. 148), лапти (с. 149), пилы (с. 149), самогон (с. 158). Эти показатели времени связаны с жестокостью послереволюционного периода, трудностями быта, отсутствием необходимых вещей.

Для современности характерно, прежде всего, развитие технологий. Здесь преобладают: телефоны (с. 308), компьютеры (с. 190), интернет (с. 343–344), пульт (с. 76). Вниманием рассказчика отмечены больничные принадлежности, например, коробки лекарств (с. 56) и упомянутые уже памперсы (с. 173). Новыми для героя оказались некоторые элементы гардероба, в том числе сапоги с застежкой и пуховик (с. 74). Среди спиртной продукции России 1999 г. выделяются: успокаивающий коньяк (с. 147) и кремлевское шампанское – «напиток власти» (с. 275). Из вышеизложенного следует,

что последнее десятилетие двадцатого века оказалось для героя временем новых явлений и ощущений.

Особого внимания заслуживает статуэтка Фемиды, которая появляется во всех временных отрезках, выполняя функцию символической детали. Этот предмет впервые упоминается в период детства героя: он стоял на шкафу в родительском доме с отломленными Иннокентием весами (с. 39), что напоминает о юных шалостях. В коммунальной квартире в постреволюционный период фигурка Фемиды инициирует рассуждения героя о советском правосудии (с. 121). Статуэтку Фемиды от матери Иннокентия получает Анастасия, потом ее наследует от бабушки Настя (с. 214–215) и, переезжая к Платонову, привозит в новую квартиру (с. 265). В 1999 г. Фемида не только напоминает о прошлом героя, становясь одним из немногочисленных личных предметов докрионической жизни Иннокентия, но и помогает переосмыслить свое положение и понять новую действительность: «Она напоминает мне о моем фиаско в живописи, о горестных событиях, произошедших перед арестом» (с. 282).

Немаловажную функцию в воссоздании исторического прошлого выполняют транспортные средства. Из широкого диапазона единиц передвижения мы выберем по одному транспортному средству, характерному для данного временного отрезка.

В детстве героя важную роль играл поезд, на котором отец приезжал к семье на дачу (с. 51). Передвигаясь по рельсам, поезд медленно и уверенно подходит к станции. Если рассматривать поезд как атрибут дореволюционного периода, то складывается впечатление, что время с 1900 г. по 1917 г. отличалось устойчивостью, спокойствием и организованностью.

Важное транспортное средство эпохи «большевистского ада» – баржа, доставлявшая заключенных на Соловецкие острова (с. 133). Условия транспортировки людей, заканчивающиеся для многих смертью, передают ужас описываемого периода. Кроме того, баржа качалась на волнах, что может метафорически означать нестабильность данного временного отрезка.

Россию 1999 г. в основном представляют автомобили (с. 169), которыми главный герой пользуется довольно часто. Этот вид транспорта позволяет создать личное пространство, минимизировав коллективное общение. Такое понимание автомобиля соответствует модели соседских отношений Иннокентия. Герой даже не знает, кто живет по соседству с ним, не ищет контакта с людьми.

Особым транспортным средством в романе является самолет, который так же, как и статуэтка Фемиды, играет символическую роль. В отличие от фигурки, самолет подвластен техническому прогрессу. Маленький Иннокентий Платонов с другом Севою изображали полет (с. 24–26). Затем герой

оказался свидетелем авиакатастрофы (с. 268–272), вызвавшей у него аэрофобию. Это не помешало Иннокентию трижды подняться на авиаборт: первый раз во время перелета Санкт-Петербург – Москва (с. 268), второй раз – по маршруту Санкт-Петербург – Мюнхен (с. 397), третий – при возвращении из Мюнхена в Санкт-Петербург (с. 402). «Авиатор Платонов» (с. 24) погибает в авиационной катастрофе: самолет, который в детстве был мечтой, затем – грустным воспоминанием, в итоге становится «местом гибели» героя.

Каждый из выделенных нами отрезков времени имеет доминирующую пространственную организацию. Поэтому целесообразно обозначить места, оставившие неизгладимый след в памяти героя.

Так, период 1900–1917 гг. связан с дачами в Сиверской (с. 43) и Алуште (с. 136). Они описываются исключительно позитивно, что позволяет отнести их к идиллическому хронотопу²³.

В описании революционной России преобладает тюремно-лагерный хронотоп. Особое внимание уделяется описанию пространства Соловецких островов (с. 187, 196), в частности мест, где заключенные работали и жили (с. 148–150).

С концом 1990-х гг. связан хронотоп города. Дневниковые записки подробно рассказывают об инфраструктуре Санкт-Петербурга (с. 180), архитектурных памятниках (с. 297), вокруг которых строится сюжет. Атрибуты организации пространства заслуживают отдельного рассмотрения, так как герой часто находится в замкнутом пространстве. Определенные пространственные ориентиры появляются во всех временных отрезках, однако данная тема достаточно объемна и требует подробного исследования.

На основании изложенных наблюдений можно сделать вывод о существовании в романе *Авиатор* трех основных временных пластов. Необходимость их выделения объясняется, прежде всего, уникальностью атрибутов времени. Мы пытались доказать, что каждый хронологический отрезок может быть относительно полно описан благодаря мельчайшим деталям. Стоит отметить, что смена исторического ориентира сопровождается появлением новых показателей. Именно атрибуты времени позволяют воссоздать жизнь человека в истории, в чем заключается их главная функция. Эти малозаметные в масштабах истории элементы создают картину определенного периода, способствуя изучению подробностей жизни в разные эпохи. Атрибуты являются также средством, позволяющим узнать внутренний мир героев, их переживания, мотивации, мировоззрение. Вместе с тем показатели времени отображают социальное положение общества, связанное, в том числе, с политической ситуацией

²³ М. М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 373–384.

и историческим моментом. Свойства атрибутов (запахи, звуки и т. п.) указывают на общую атмосферу эпохи и ее основные черты. Детерминанты времени дополняют также описания отдельных элементов художественного мира произведения.

References

- Antoshkina, Ekaterina A. "Vremya kak obyekt poznaniya filosofii i drugikh nauk". *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. Vol. 22, No. 53 (2007): 14–20.
- Bakhtin, Mikhail M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike*. In: *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1975: 373–384.
- Bochkina, Mariya V. "Otrazhenie srednevekovoi kontseptsii vremeni v romanakh E. Vodolazkina 'Lavr' i 'Aviator'". *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. Vol. 22, No. 3 (2017): 475–483.
- Chernyshova, Tatyana L. "Organizatsiya khudozhestvennogo vremeni v romane E. G. Vodolazkina 'Aviator'". *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik*. Vol. 5, No. 4 (17) (2017): 163–167.
- Filatov, Kirill S. "Khvalit nelzya rugat. Evgenii Vodolazkin. Aviator (retsenziya)". *Zvezda*. No. 6 (2016). <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/6/evgenij-vodolazkin-aviator.html>
- Grimova, Olga A., "Osobennosti funktsionirovaniya narrativnykh intrigh v romane E. G. Vodolazkina 'Aviator'". *Novyi filologicheskii vestnik*, No. 4 (43) (2017): 48–58.
- Gurevich, Aron Ya., "Kategorii srednevekovoy kultury", Moskva: Iskusstvo, 1984: 43–44.
- Krotova, Darya V. "Razmyshleniya o revoliutsii v tvorchestve A. Varlamova i E. Vodolazkina ('Myslennyj volk' i 'Aviator')". *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. Vol. 23, No. 4 (2018): 393–401.
- Lotman, Yuriy M., "Struktura khudozhestvennogo teksta", Moskva: Iskusstvo, 1970. https://bookscafe.net/read/lotman_yuriy-struktura_hudozhestvennogo_teksta-43995.html#p102
- Nikolaev, Aleksei I. *Osnovy literaturovedeniya. Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh spetsialnostei*. Ivanovo: LISTOS, 2011. <https://ru.b-ok.cc/book/3239082/275b74>
- Novoselov, Mikhail M., Pivovarov, Daniil V., *Atribut*. In: *Gumanitarnyi portal*. Moskva, 2020. <https://gtmarket.ru/concepts/7015>
- Ponkratova, Ekaterina M., Kobernik, Lyubov N. "Olfaktornye yavleniya v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 74 (2017): 32–34.
- Povalko, Polina Yu. "Prostranstvo i vremya kak kategorii khudozhestvennogo teksta". *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 3 (2016): 106–112.
- Slovar russkogo yazyka: v 4-kh tomakh*. Vol. 1, ed. A. P. Evgeneva. Moskva: AST, 1999: 51.
- Soldatkina, Yanina V. "Motivy prozy A. P. Platonova v romane E. G. Vodolazkina 'Aviator'". *Rhema. Rema*. No. 3 (2016): 19–28.
- Vedenkova Ekaterina S., "Issledovanie khudozhestvennogo prostranstva-vremeni: Voprosy metodologii", *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. No. 12 (2011): 279–284.
- Vodolazkin, Evgenii G. *Aviator*. Moskva: AST, 2019.
- Wojciechowska, Magdalena. "'Aviator' Evgeniya Vodolazkina kak zhanr dnevnika". *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica*. No. 12 (2019): 199–211.

Zhulkova, Karina A. "Kategoriya vremeni v romanakh E. G. Vodolazkina 'Lavr' i 'Aviator.' (Obzor)". *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Literaturovedenie: referativnyi zhurnal*. No. 3 (2018): 191–200.



© by the author, licensee Lodz University – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)